

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.1

Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть IV: интеллигенция – катафатическая перспектива: что делать

© В. В. Ильин*, И. С. Азаренко, С. Н. Вишневская, Е. К. Шаура

*Калужский филиал Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.*

**Email: vvilin@yandex.ru*

В завершающем материале о перипетиях судьбы насильно высланных из Отечества страстотерпцев с «философского парохода», а с ними – мытарствах национальной интеллигенции, сугубое внимание обращается на предпосылки обеспечения симфонии в ответственном социальном взаимодействии народа – власти – интеллигенции. Общественная сплоченность вовлечения, участия всех агентов гражданской интеракции усматривается на пути размыкания порочного круга недоверия, подозрительности восстановлением служения традиционным ценностям «русского пути», обеспечивающего солидарное действие.

Ключевые слова: интеллигенция, власть, народ, *de lege artis*.

Во всех отсеках духовного творчества наиболее сложное – решение положительной задачи: как быть, что делать.

Нас всегда потрясал примечательный факт: убогость живописаний чаемого. Казалось бы, являющийся плодом свободного воображительного сотворения образ идеального состояния всецело, всесторонне превосходит наличные данности; казалось бы, ничем не скованная в провидении грядущего вождедеющая мечта не имеет сдерживающих отягощений; ничто не может затруднить спонтанное парение мысли. Казалось бы...

Между тем известные живописания потребного идейно не заворожительны, блеклы.

По части прямолинейного заявления идеала ощутимые трудности, преткновения испытывали буквально все утописты, беллетристы, адепты догматической философии (типа и В. Соловьева – «Оправдание добра», Лосского – «Условия абсолютного добра»), развертывавшие футурологические сценографии социальной реальности (в том числе в терминах выполнения закона любви – амитологи от Бердяева до Сорокина).

Надлежащую глубину подтекста не столько разрешения, сколько обсуждения проблемы – чем и ценна философия – обеспечивает рефлексивное освоение оппозиций: добро – зло; человек – общество; свобода – зависимость; солидарность – разобщенность, к чему прибегали в своих поисковых усилиях Мильтон («Потерянный рай»), Байрон («Каин»), Гете («Фауст»), Лермонтов («Демон»), обращавшиеся к классической библейской дихотомии (дуальной оппозиции) Бог – Вельзевул (мильтоновский сатана; байроновский Люцифер; гетевский Мефистофель, лермонтовский Демон), – объемному мифологическому сюжету о восставшем против Всевышнего падшем ангеле, в подспудье озабоченном желанием «с небом примириться».

Вера в себя – залог силы духа. Но на какую веру в себя, какое примирение с «небом», какую силу духа могла уповать насильно разобщенная с родиной, оторванная от национальных корней интеллигенция? По горькому признанию Г. Иванова:

Полужизнь, полуусталость –
Это все, что мне (нам. – *Авт.*) осталось.

Духовная вымороченность, идейное опустошение. Вероятно, по данной причине эмигрантскую, некогда острую, мысль, ее художественно-образное воплощение отмечало «поразительное оскудение» (Иванов). Вероятно, в силу тех же обстоятельств некоторые представители эмигрантских кругов заняли сомнительную (Краснов), невразумительную (И. Ильин) позицию в отношении пытавшегося поработить Россию (СССР) фашизма. (Ср.: линия нынешних добровольных эмигрантов-апатридов: чем хуже России, тем лучше.)

Время – не догонишь; ложь – не забудешь; судьбу – не исправишь.

В который раз апостольской миссии нести имя Христово (за что ратовали буквально все разделявшие фантазмагорию богоискательства-богостроительства эмигранты с ФП) воспрепятствовало обидное, досадное, пропитавшее все фибры интеллигентской души тлетворное отщепенство. Откуда – итоговое, вытекающее из наших предыдущих размышлений, – предвещанье: национальной интеллигенции равнообразно под фирмой хоть благодушия, хоть желчности надлежит отказаться от (само)разрушительного эскапизма, для чего стать на крепкую позицию социальной ангажированности, активизма.

Общественная деятельность... Снять маску «великого абстинента», внять вразумляющему горьковскому: «человек послан богом на землю... для деяний... а мы для чего жили, где деяния наши, достойные похвалы людской?..»

Национальная жизнь... Отказ от участия в ней – *error fundamentalis* наших интеллигентов, которые «тревожно и жалко прячутся от нее... в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики... печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики... снова возвращаются на узкие, засоренные хламом... тропинки религии, всюду внося с собой... истерические стоны души... все, до чего они касаются, они осыпают градом... пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...» [12, с. 246].

Повернуться лицом к народу, начать самозабвенно служить Отечеству, – нет задачи важнее.

В решении ее – план обретения себя, проект самонахождения, обеспечивающий достойную долю *ut fructificemus Deo*.

В наши дни не роль делает служителя духовности интеллигентом. Делает сие веление времени. Не искушение, но призвание быть гражданином, иметь причастность к вершению национальной судьбы, корпоративной истории.

«Трудная пора еще не наступила, но близость ее признается уже всеми», – как будто по нашему поводу высказывал Салтыков-Щедрин [33, с. 447]. О трудности и близости какой поры речь? – неминувности выстраданного российской жизнью давно ожидаемого явления – обретения пафоса деятельного – соучастного, солидарного существования.

Пафос – могущественная сила человеческого сущего, – подчеркивает Гегель [7, с. 240–241]. До текущего момента в пафосе вовлечения, участия основных движущих сил общественного устройства – власти, народа, интеллигенции – отсутствовало единство в порядке консолидации действий. Разобщенность сказывалась в топологической обособленности: народ пребывал в нише – «непосредственная действительность»; власть занимала нишу «становящаяся

действительность»; интеллигенция располагалась в нише – «виртуальная действительность» (в зависимости от приверженности пессимизму – футуризму с креном в апологию «прошло-будущего»).

Экзистенциальное, социальное распадение мира по капитальной хроногеометрической атрибутике, между тем – не терпимо; *usque ad nauseam* востребует скорейшей санации в смысле установления твердой заинтересованной формы ответственной коллаборации. На внятной платформе: интеллигенция будирует; власть предлагает; народ одобряет.

Встраиваемость в преобразование жизни сопоставительно с встроенностью в отрешенные искания избавляет от одиночества на вершине отчужденной образности, сообщает преимущество выхода из теснин заскорузлого «Я» (Ср.: Мопассан называл себя «одиноким мечтателем, уединенным философом») на простор «духа эпохи, событий» (Бальзак), делает выразителем «субстанциальной стихии» (Белинский), «народных стремлений» (Добролюбов).

Сознание нашей интеллигенции всегда отличал дефицит существенности, реализма; – отточный инструмент избавиться от него – встать на практическую (не юридическую) позицию державного обихожения. Не в модельном, а вещественном плане, – плане не эйдетической, а осязательной ощупи.

Требуемое пояснение мысли заключается в следующем.

Отечественную (русскую) интеллигенцию упрекают в отечественных (русских) соблазнах [5, с. 96] – инициативах, совращающих власть, народ. Чем именно? – отвечая односложно, – искушением, смущением к разору заявлением одной свободы воли своей.

Социологическая транскрипция «своеволия» – произвол, прихоть. Гносеологическая транскрипция «своеволия» – трансцендентальная буффонада. Между ними, как ни странно, грань проницаемая.

Крылатые романтические экзерциции, спонтанные рефлексии ума продуцируются свободой вне ясного интереса, не скованной никаким законом мыследеятельностью. Последнее составляло предмет демонстрации разномастных адептов «карнавала» творчества от Шиллера, упирившего на радость «перед кажущимся», склонность к «украшению и игре» [38, с. 462, 471–472], братьев Шлегелей [39, с. 173] до Переверзева, вдохновлявшегося и вдохновлявшего стихийной психологической тренировкой в играющем организме творца [32].

Самопародийные выбросы мысленного экспериментирования инкорпорируются в социальную почву, обретают плоть социоморфных починов.

Будучи разработчиком капитальной темы «искушение быть или не быть человеком» Достоевский в имитационном залоге отрабатывает переход «наличного» в «иное». Возникает интрига Иван Карамазов – Смердяков с экзистенциальным раздвоением (персональное двойничество – ходячий, типологичный сюжет, осваиваемый Достоевским («Двойник»), Гофманом («Элексир дьявола»), Стивенсоном («Странный случай с доктором Джекилом и мистером Хайдом»), Шварцем («Тень») и др.) – прониканием *alterum alterius auxilio eget*: Смердяков «стал считать себя Бог знает почему в чем-то наконец с Иваном Федоровичем как бы солидарным, говорил всегда в таком тоне, будто между ними вдвоем было уже что-то условленное и как бы секретное... лишь им одним только известное, а другим около них копошившимся смертным так даже и непонятное» [15, с. 243]. И тяжелой развязкой: мысленный эксперимент романиста перетекает в судьбическую трагедию, – рефлексивно и деятельностно Иван потворствует преступлению, катализирует его: он виновен в убийстве непризнанным братом своего родителя – общего отца.

Условная отстраненность, художественная остротенность поучительной вымышленной истории, однако, утрачивает «игровой» статус в прагматической линии тов. Г. Мясникова (приводившего в действие приговор об уничтожении семьи последнего российского императора и тем самым оправдывавшего свою «говорящую» фамилию) «реабилитировать Смердякова от гнусностей Достоевского».

Альтернатива (дуальная оппозиция) «здесь» – «там»: «мыслительное» – «поведенческое» экспериментирование преодолевается обмирщением «символического» сектантства. Рельефное свидетельство тому – далеко идущие тщания по налаживанию локальных и глобальных общественных организаций под фирмой ассоциаций:

- толстовцев, добролюбовцев (последователей поэта-символиста А. М. Добролюбова), группировавшихся в духовно-производительные (показывавшие замечательные успехи трудовой деятельности) объединения – коммуны;
- СССР, замысливаемого как матрица вселенской федерации «трудящихся всех (! – как утверждалось в Декларации об образовании СССР – авт.) стран» в мировой (!) социалистической советской республике.

На показательном материале сказанного (и идентичного ему несказанного) «интеллигентность» в дефинициальной процедуре сближается с признаковой сеткой:

- антижизненная отвлеченность (антипод которой – жизнестойкость власти-народа);
- внежизненная псевдодуховность (антипод которой – трезвомысленность народа-власти), – всегда смущает, совращает, соблазняет; – говоря прямо, дереализует всех и вся гибельной дьявольщиной (персональный казус Ивана Карамазова), бесовщиной (социальный казус Петра Верховенского).

Высказанное – предметный фон понимания отнюдь не эпатажного откровения нашей поп-дивы – проживавшей некогда на родине Пугачевой: в общественном иудаизме виноваты отпетые носители достоевщины, – евреи, артисты, гомосексуалисты, – обобщенно: разнужданные интеллигенты. Естественно, востребующие остракизма.

Если генерализировать аргументативную основу, традиционно бросаемые обществом упреки интеллигенции сводятся по большей мере к двум предосудительным, порочным свойствам.

Первое – самокопание, всепоглощающая наклонность к вязкой обездвиживающей рефлексии. Используя соображение Герцена, – отличительная черта интеллигентского слоя – есть grübeln: «мы не хотим шага сделать, не выразумев его, мы беспрестанно останавливаемся, как Гамлет, и думаем, думаем... Мы переживаем... прошедшее и настоящее, все случившееся с нами... ищем оправданий, объяснений, доискиваемся мысли, истины» [8, с. 49].

Видоразличительное grübeln суть тоскливый, страшный самоанализ, где нет и следа действия. Отсюда – трагедия отщепенства, вненаходимости, несчастье превращения в «лишних людей». Ибо, как известно, «нет злейшего страдания, как ничего не делать!» (Герцен).

Второе – вытекающая из первого асоциальность. Сугубо ошибался Достоевский, оставлявший за известной ему интеллигенцией право «последнего слова» [16, с. 25]. Верно: интеллигенция ищет «нового сильного слова» [13, с. 51], но, запутываясь в grübeln, – разъедающих раздумьях, страданиях, никогда его не находит. А то, что находит, – не доводит до реально движущих сил общественного развития – власти, народа.

Интеллигенция не идет в ногу с обществом!

Отсюда – трагедия избыточности «криков возмущения» [9, с. 198], не руководящих действиями ни власти: «страшная вещь, – сетовал Герцен – ...почти все наши грезы оканчивались

Сибирью или казнь и почти никогда – торжеством» [10, с. 84]; ни народа, – народные бунты у нас никогда не освещались «никаким политическим сознанием» [28, с. 174].

В рассогласованности замыслительной и воплотительной канвы самоутверждения интеллигенция не встраивалась в преобразовательный процесс национальной жизни – не обслуживала, была не способна обслужить его, давала своеобразный обет затворничества.

Осуждая (само)разрушительный массовый интеллигентский исход из мира, Белинский констатировал: «У всех на языке одна и та же фраза: «Надо делать!» и между тем все-таки никто ничего не делает» [2, с. 69], – и направлял: «Социальность, социальность – или смерть» [3, с. 381]. Призыв провидца дней суровых, к несчастью, услышан не был. Триединым занятием «размышляющей публики» оказалось:

- XIX в.: паразитическое перерождение и вырождение (дворянская интеллигенция); либеральное просветительство (в предреформенную эпоху – Тургенев, Грановский, и др.; в пореформенную эпоху – Еленев, Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк и др.); бескомпромиссная и безрезультатная борьба с властью (петрашевцы, ишутинцы, анархисты, чайковцы и др.);
- XX в.: массовая гибель – волны оголтелых кровавых репрессий: 20-е годы – уничтожение элитно-аристократического слоя (ленинский курс); конец 20-х – 30-е годы – уничтожение элитно-большевистского слоя (сталинский курс); начало 50-х – доперестроечные годы – уничтожение элитно-диссидентского слоя (партийно-советский курс).

Паушальное сальдо: интеллигенция в монархической России – СССР квантитативно – не массова; квалитативно – слаба; модально – деморализована (о чем – хоть опустошенный П. Юшкевич: «Если прикажут (кто?! – *Авт.*) – акушером стану (зачем?! – *Авт.*)» [40]). Причина – патерналистский (воспитательно-отеческий, школьный) тип властвования государственной, управленческой национальной организации, история которой, по Карамзину, – фронтальная апология проводящей обуздание «мятежных страстей» «благотворной власти».

Рассеивать доктринальный мрак воспевания гнета начальствующих коронных инстанций пытались прозорливо настроенные мыслители альтернативного дворянского крыла, устами Н. Тургенева оправданно заявлявшие: «История народа принадлежит народу – и никому более! Смешно дарить ею царей» [36, с. 115].

Однако же правдоискательство в версии «лучших людей» (Добролюбов) обретало тем не менее устойчивые черты модельно-вообразительной романтики; – не инициатива, не борьба, но осчастливливание принималось за магистраль освобождения от гражданской скованности. Источником вольности полагался «дар святых небес» (Батюшков); начала благоустройства жизни провозглашались начала художественности – «жизнь и поэзия – одно» (Жуковский). Откуда – набившая оскомину парадигма: не социальные преобразования, а персональные преобразования как разводная эссенция, малокровный лейтмотив не производящего благородный *finis* принципиального кредо российской интеллигенции:

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.
(Жуковский)

Низкая, рыхлая кочка «духовного прозревания» – как, куда с нее смотреть? что в перспективе?

По ободряюще романтическому – «чудесное претворение»:

Друг, страданье пронесется,

Грозный мрак не навсегда,
И над бездною зажжется
Лучезарная звезда!
(И. Козлов)

Совершенно русский вкус – ожидать чуда!

Однако, по трезвом размышлении, – вполне ли устраивают идеалы, творимые упованием?

Пусть Мир далекий, мир незримый

Зрит его (интеллигента идеалиста-романтика. – *Авт.*)
Орлиный взгляд...
(А. К. Толстой)

Что из того? Пусть интеллигенция, используя мысль Рылеева, осуществляет идеалы высоких чувств, мыслей, вечных истин, всегда близких человеку и «всегда не довольно ему известных». Пусть! Но – для чего? какого самопрозрения?

В подспудьи намечается момент участности, гражданственности. Понимание, что «здесь» не будет вечно «там», создает плацдарм неудовлетворенности социальной ролью интеллигенции в посюстороннем мире, передаваемой нарративами общественного служения. Служения, вменяющего:

– «снять оковы с народа, возратить людей человечеству, граждан – государству»
(Пнин);

– пробудиться:

Ты дни влачишь в мертвящем сне,
В объятьях ленистого (! – *Авт.*) мира:
На толь тебе я (Господь. – *Авт.*) пламень дал
И силу воздвигать народы? –
Встань, певец, пророк Свободы!
Вспрянь, возвести, что я вещал.
(Кюхельбекер);

– устранить причины отступничества, по которым
...в отечестве моем

Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
(Пушкин);

– «свершить чредою смелых дел народов бедных искупленья»
(Огарев);

– наконец, устранив несообразия, выйти из двусмысленного двоимирия: «Я ставлю искусство, как пользу, сто раз выше службы» [35, с. 87].

Службы как брэнной заботы в антураже «ни рыба, ни мясо – ни мундир, ни ряса». Но не службы народу! Стране! Отечеству!

«Воображение, недовольное сущностию, алчет вымыслов», – подчеркивает Бестужев. Так – в высокой духовности [21]. В высокой социальности же недовольствие сущностию алчет не вымыслов – действия. Действия, преодолевающего визионерное и распалляющее гражданственное (отсутствие работоспособного механизма перехода от одного к другому влечет отчаянное рылеевское «Я не поэт, а гражданин»).

Стезя пробуждения социального духа, «выражения общества» (Майков), а с ним – «неистощимой жизненности» (Тургенев) поползновений интеллигентского слоя – располагается вне и поодаль наивных привнесений из числа самообольщений; она – в императивах «натурального» (как любил высказывать Белинский) развития, объективных чертах современного времени. Объяснимся тщательнее.

Ряд свойств обуславливает специфику нашего мира; в минималистской обработке это – суть:

1. Мобильность – интенсивность, насыщенность, плотность мотивированной интеракции.
2. Сложность – сетеобразный саморегулируемый принцип межличностной коммуникации на основе внутренней инициации инструментов «мягкой силы».
3. Креативность – движущая сила, характеризующая источник энергии трансформационной природы, необходимая для обеспечения надлежащего динамизма социума, – творческая сила интеллекта.

Современное общество – совершенно недостаточно осмысленный, доктринально надлежаще не представленный, не тематизированный сорт цивилизационной организации, радикально отъединенный от реализованных прежде в мировой истории типов общественных организмов, противопоставляемый им по капитальной триаде: цель – средство – результат. Действительно:

- цель: достижение не прибыли, выгоды, рентабельности, но персональной адаптированности, полноты самореализации;
- средство: производство не материальных продуктов, но символов; примат духовного производства над вещным;
- результат: рост не состояния, но самостояния.

Эссенциологию наших дней иные развертывают в терминах кризиса капитализма. В сетке принимаемых нами координат такого рода умонастроение – недостаточно, мелководно. Речь – о более масштабном, фундаментальном явлении – кризисе не капитализма, а вещизма, поставоцентризма; неадекватна, ущербна сама парадигма жизнеподдерживающего, жизнепорождающего процесса в модуле «труд – стоимость».

Современное общество – социум знаний, ассоциация генераторов сильных духоподъемных образов [25, 27]. (В скобках подчеркнем сугубую неспособность наличной экономической теории концептуализировать существо духовного производства, не укрощаемого законом стоимости, по своим внутренним конституентам не вмещаемого в теснины модели общественно необходимого времени, затрачиваемого на получение стандартной единицы товарной массы).

Продумывание сказанного имплицитно подразумевает нужные обобщения:

- непосредственной, решающей, направляющей производительной силой общества знаний не способна быть никакая социальная сила (введем работоспособную техническую лексему – социально движущая сила – СДС), кроме интеллигенции (На данном резоне содержательно финализируется марксизм как сценография раннекапиталистического общества, где СДС прогресса олицетворял пролетариат; на данном же резоне финализируется футурологический потенциал пролетариата как источающейся и упраздняющейся группы людей, нерелевантной интеллектуальноемкому обществу знаний);

- основным общественно полезным занятием нового социума оказывается духовное саморазвитие – инновационная продуктивная деятельность, агентом которой не способна быть никакая социальная сила, кроме интеллигенции.

Общество знаний и интеллигенция. Они принадлежат друг другу. Своей сопричастностью, как таковые, взаимообуславливают, взаимоусиливают черты нового мира, связанные с укоренением нетрадиционных форм вовлечения и участия на базе каскада превращений:

- труда в творчество: стандартизируемая поточно-массовая (тейлоризм, фордизм) трата человеческой энергии, система «выжимания пота» из малоквалифицированных носителей живого труда тенденциозно заменяется комплексной автоматизацией, роботизацией, инженерно-техническими аналогами, искусственным интеллектом [21, 24]; человек-придаток машины (конвейера) необратимо перемещается в достояние прошлого; создаются объективные предпосылки концентрации населения в сфере продуктивной инноватики – духовных занятий по выпуску культуро-, символосостоятельной продукции, нацеленной на обеспечение гуманитарного возрастания, имманентного человеческого роста [20];

- зависимости в свободу: как физическое, физиологическое, натуралистическое, социальное существо человек зависим; модус, топос, локус, где он выходит из-под опеки условий, обусловленного – сфера творчества; – там, уподобляясь творящему Всевышнему, человек создает – создает, задает, производит причинные ряды, стоит у истоков бытия небывшего; свобода суть порождение, вызывание к жизни, пнерианский ключ сущего; свобода – без-условной порыв, воздвигающий собственный дух в хождении по неведанному, о чем – Пушкин:

Глупец кричит: куда? куда?

Дорога здесь. Но ты не слышишь,

Идешь, куда тебя влекут

Мечтанья тайные (! – *Авт.*); твой труд

Тебе награда; им ты дышишь,

А плод его бросаешь ты

Толпе (непритязательной публике – *авт.*), рабыне суеты;

- «нищих духом» в «богатых духом»: в режим «нищих духом» «канцелярией и казармой» (Герцен) ввергает народ истовая, корыстная власть, эксплуатирующая идеократический ресурс для поддержания несостоятельной веры в конъюнктурные предприятия, неосуществимые идеалы. «Народ, доведенный до звероподобного состояния враждебной разуму догмой, – отмечает Бунге, – легче склонить к свершению иррациональных поступков, чем тот народ, чья бдительность поддерживается критикой» [6, с. 42]. Подобный режим отработывался этатистской машиной царства Ахеменидов (в особенности при Ксерксе), римской, затем российской империей [23]. Иную стратегию заявлял Христос, теоретики «русского пути», в том числе из когорты страдальцев ФП.

«Онтология» темы имеет два измерения. Одно – рычаг выживания рода Ното под эгидой а) репрессирующей власти (национальное государство, наднациональная корпорация); в) всемирной гуманистической ассоциации [19]. Другое – демпфер, за счет легитимной критики, аналитики, препятствующий предназначению народа к неизбежной обреченной участи [31].

Относительно первого: на фоне практической исчерпанности сугубо западных ценностей эгоизма, либерализма, индивидуализма, утилитаризма, автономизма достойны внимания традиционно русские идеалы всецелости, всепримирения, всечеловечности, коллективизма [14, с. 34]. Относительно второго: на фоне констатации: сила не объединяет (Ксеркс,

Рим); вера разъединяет (фактический обвал экуменизма) заслуживает утрирования непреходящая роль интеллигенции, через стремление к культуре добивающейся достижения свободы. Культура и свобода, – настаивает Федотов, – «совпадают в своем объеме» [37, с. 277]. Государство, власть – душат самодеятельность [31, с. 113]; культура, свобода – ее пестуют; – самодостаточная инициативность народа – дериват функционально-ролевой миссии интеллигенции;

– «идеального» в «натуральное»: истый апологет отвлеченных духовных начал в социальном отношении (среднестатистический типичный интеллигент) выступал анахоретом, пребывающим «в пустоте, нигде и ни в каком времени» ощущал себя как бы выброшенным из этого мира, предоставленным самому себе, – смотря правде в глаза, повествовал В. Варшавский [34, с. 309].

Причина идейной и далее – социальной безнадежности положения нашего интеллигентского слоя – бездеятельное созерцательное свидетельство:

Презренного дикого века (лучше – во множественном числе. – *Авт.*)
Свидетелем быть мне (лучше – во множественном числе. – *Авт.*) дано
(Бунин)

Гносеологически – позиция приемлема: высокий, предмет высоких раздумий «размышляющей публики» – «не вопросы дня, а вопросы веков, не интересы страны, а интересы мира, не участь партий, а судьбы человечества» [1, с. 399]. В абстрактной теории все мы высвечиваем «из вечных потемок сокровенные глубины бытия» [29, с. 220]. Последнее позволяет реализовать нетривиальное умение возвышенной и благородной неповседневной мерой оценивать происходящее, толковать его.

Гражданственно – позиция не приемлема. Помимо причастия духовному (высокой теории) интеллигенция причастна практически-духовному. Таковое причастие в модусе *savoir vivre*, не способствуя приращению «общего блага», предрешает трагикомичность безвыходно-безысходной развязки в тех же исполнениях Чехова («Дядя Ваня»), Горького («Дети Солнца»), Андреева («К звездам»). Вне и помимо модельной вариации – самоустранение (у Чехова – обескураживающий аморфный отъезд из усадьбы Серебряковых, Астрова) – аподиктически индуцируется естественная задача – принести «идеи на жертву выгодам» (Герцен).

Общеметодологический императив Экхарта, Баадера, Беме, воспроизведенный Бердяевым, «примат свободы над бытием» [4, с. 65] – не продуктивен, – не поставляет ответа на сакраментальный вопрос: как «на Руси святой» наладить «счастье и покой» (Кюхельбекер). Как бы там ни было, актуализируется сюжетика «необходимости труда... не рутинного, а живого дела, в борьбе с всероссийским застоєм» [11, с. 142].

Поворот к «сильному, новому свету» (Гончаров) связывается с гражданским пробуждением интеллигенции, научающейся чувствительности к законам жизни не из умствований, а из натурального опыта. (Подступ к прозрению – модельная дихотомизация лицедеев жизненного процесса Горьким («На дне») – Луки, поглощенного заботами обыденности (мир *Lebenswelt*) – Сатина, увлеченного умствованиями (мир *Sinnwelt*), – с игровой демонстрацией преимущества первого).

Взыскуемый гражданский акафист интеллигентскому классу выполняется тематизацией выстраданой локомоции от *Sinnwelt* к *Lebenswelt* (в идеале – с опосредованием *Wertswelt*) [18];

– вненародного в народное: эпоха популистского снисходительного авангардистского ошастливливания народа «извне» – идеально проектируемыми (интеллигенция), реально

даруемыми (власть) послаблениями-нововводствами давно и окончательно себя исчерпала. Высокомерно-надменное

Да, вольность, друг мой, вообще
Народу рано дать еще
(Огарев)

отступило на задник социальной пьесы под названием «Российская жизнь».

С социально-философских высот не выдерживает критики кичливая стратегия взаимодействия верхов с низами как «смятенным сумраком» (Гете), которая тактически инициирует поддержание существования масс в упоминавшемся режиме нищенства.

Преимущество нищеподобности общества для управляющей им власти – в двух моментах: материальное нищенство, торпедируя целесообразную реформаторскую инициативу, культивируют подобострастные царистские настроения «правительству виднее»; духовное нищенство укрепляет истовую веру демоса в прокламируемые хилиазмы – анонсируемое, но раз за разом под разными предлогами произвольно отодвигаемое в неопределенное «светлое будущее» (ср. с программируемой КПСС перспективой построения в СССР коммунистического рая).

В рабстве, нищенстве «выгод нет нисколько» (Огарев). (Манкируя и державными прорывами в ущерб народному благу: во ввергнувшем массы в нищенство радикальном преобразователе отечества Петре народ видел антихриста; интеллигент Достоевский усматривал в нем нигилиста-разрушителя национального строя) [17, с. 67].

В данном месте *ex necessitate rei* требует уточнения облигаторная категория «народность»: что означает выражать «народность», стремиться к «народности», действовать согласно народности?

Пробегая высмеянные Белинским адресации к кафтанам, сапогам, квасам, кислым щам, оттолкнемся от уместной дифференцировки Вяземским «народного» и «популярного». Первое (*national*) передает «умонастроенность» – фигура «дух народный»; второе (*populaire*) – «известность» – фигура «песня народная». Сразу же отсечем постороннее нам последнее толкование: продукты рафинированной деятельности рафинированного интеллигентского круга в большинстве своем народу неизвестны. (Взять творчество любого наиболее «народного» автора – Рабле, Мольера, Свифта, Диккенса, Пушкина, Гюго, Гейне, Щедрина, Лескова, Чехова и т.д. – их произведения, идеи, позиции, толща народа практически не знает. Справедливость тезиса оттеняется пониманием как прямой безграмотности народного прошлого, так и косвенной бескультурности его настоящего).

Предмет нашей заботы – народное миропонимание в интерьере, так сказать, национальной картины мира.

Всякий народ, по Гоголю, «носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души», державным образом реализуется специфично. Как выразительнице «образа мыслей и чувствований» (Пушкин) народа интеллигенции надлежит вникнуть в существо таковой. Найти нужные рефлексивные отображательные слова позволяет выстраивание панорамы национального, крепящейся на реперах:

(1) Развитие из своих внутренних стихий на собственной цивилизационной основе – без наведенных схем, неорганических заимствований, чуждых влияний.

(2) Оправдание деловитости с апологией традиционных ценностей, враждебностью по части грез, «всяческого мечтания», асоциальной романтики.

(3) Первостепенное неприятие преходяще жизнеотеческого, где все «бедно, разбросано и неприятно» (Гоголь) с патриотичным стремлением «Русь поддержать» тем более в «годину тяжких бед» (А. К. Толстой) в уловлении «чудных законов» ее процветания.

(1) Хочется дожить до чаемого состояния, где и в нашем крае, подправляя А. К. Толстого, «все обильем задышит». Проникновенная беллетристика, оставляя вопрос открытым, не поставляла рецептуры достижения земли обетованной. В достаточно отчетливой форме в приближенное к нам время общую озадаченность артикулировал Мандельштам, заявляя

Я в сердце века (не важно какого, – нашего. – *Авт.*) – путь не ясен,
А время удаляет цель –
И посоха усталый яшень,
И меди нищенскую цвель.

Вездесущая власть, отбрасывая недоумения, акцентуировала форсаж. От Ивана IV до Горбачева-Ельцина, абстрагируясь от содержательной стороны обновлений, принимающая решения верховная инстанция во главу угла ставила «посох» с перстугающим им небезупречным путем, связанным с испытанием и медными трубами.

Нам не важна детализация интенций реформаций, заявляемых ими преимущественных векторов; принципиальна фиксация народопосторонности генеральных преобразовательных починов – силовым образом насадить чуждые народу порядки. С последующим запоздалым константным и ненужным прозрением «не смей командовать».

Народный путь развития – путь:

- понятный народу;
- кредитуемый народным доверием – идущий под стягами мелиоризма, кумулятивизма (Ср.: политическая диспозиция большевиков – ленинцев-сталинцев, на дух невыносящих постепенщины – управленческого «миниатюрного» прогресса и упиривших на форс-мажорный темп общественных изменений); с социоморфной стороны представляющий принятие оправданных гипотез (программы, планы), подтверждаемых практически удостоверяемыми следствиями деятельностных перемен в виде осязаемых улучшений «натурального» существования. Реформация заходит настолько далеко, насколько допускает народ! Лишь в этом – народность национального пути развития.

(2) Трезвость народа – в поддержании устоев обыденности, воспроизводстве остова общественного жизнепорождения. Рефлексивно-философское отображение такого рода угла жизнезрения – традиционализм, превознесение повседневного лада и склада.

В письме Некрасову Островский растроганно сообщает: «...мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем... (народ. – *Авт.*), умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и детского славянофильства». В мысли интеллигента-создателя национального театра требует продумывания «без кабинетного», сиречь – заемного, неорганичного, привнесенного, относительно жизнеспособного – грезефарсового.

Трезвость народа – в противодействии, противостоянии умозрительному оригинальничанью, идеалистичному экспериментированию. Нужно ли упразднить цензовый элемент при строительстве социализма? Нужно ли разрушать реальный сектор экономики при реставрации капитализма? Нужно ли ликвидировать «неперспективные» деревенские поселения при советском дирижизме? Нужно ли уничтожать лечебные, учебные, культурные заведения на селе при «демократическом либерализме»? Элиминация воспроизводственной базы, подрыв естественности жизненного самотека, – разве может такое санкционировать народ?!

Власть должна не повелевать, а управлять, – не уставал назидать Пнин. Управлять, соотносясь с волей народа, заявляемой вотированием, конституированием выверенных решений.

Легально-легитимный выбор, обеспеченность его нестесненного осуществления – стержень здорового омащивания политической жизни (без популизма) и здоровой же политизации жизни масс (без патернализма, авторитаризма, дирижизма).

Народ – правомочный, правоуполномоченный, самодостаточный субъект гражданского выбора – имеет на него право (без прогрессистских остросток типа карякинского «Россия! Ты одурела!») в малом времени. Далее, как *post factum* ясно, – способны активироваться императивы большого времени, соответственно корректирующие характер общественно выработанных прежних линий.

Ламинарное чередование консенсуально проводимых решений – искомый благотворный регламент нерезистентного консолидированного развития, надежная плотина:

- пустогрудого прогрессистского разгула элиты;
- дионисийского бунтарского разгула народа. «Народ просыпается! – писал Андреев, – пока он только еще во сне ворочается, а у вашего (губернаторского. – *Авт.*) дома подпорки уже трещат, а вы погодите, как он совсем проснется».

Апологию «новой, широкой, просторной» (Чехов) жизни отработывает кто угодно – хоть власть, хоть интеллигенция. Технологию же ее обмирщения утверждает исключительно народ.

В противном случае – гражданский хаос, по выражению поэта-эмигранта Штейгера, – некомпенсируемая, непостижимая уму боль.

(3) В возвышенном к прекрасному стремленье

Всем на добро одни права даны.

(Жуковский)

И власти, и интеллигенции, и народу. Не носителям прогрессизма, авангардизма, элитизма, не лидерам общественного мнения. Всем. Всеобщее равноправие в отправлении национального благоустройства, – перед нами именно тот случай, который версифицируется философией «общего дела».

Освежим память упоминанием категориальной «раскадровки», просвещающей нас солнца правды [30].

Богатство социальных инициатив тематизируется рядами понятийных универсалий «постепенность – форсированность», «умиротворенность – одержимость», «упрочение – ниспровержение» и т.д. В невыверенной нарочитой редакции социальных действий и корреспондирующих им абстрактных отображений вступают в силу тенденциозные тяготения, крены. Общая формула их (односторонних изменений в направлении, вызванных предвзятым вмешательством власти, народа, интеллигенции) понимания сводится к учету сомнительной гипертрофии правой (олицетворяющей начало радикализма) диспаратной компоненты категориальных пар, влекущей затратное вхождение в турбуленцию. Под фирмой:

- со стороны власти – волюнтаризма, патернализма, авторитаризма;
- со стороны интеллигенции – олигархизма, аристократизма, nepотизма;
- со стороны народа, – эгалитаризма, коммуитаризма, охлократизма.

Аналогичное утверждается о пристрастном предпочтении левой компоненты категориального контура – выстраивании социальной техники исключительно по мелиоризму. Со стороны и власти, и интеллигенции, и народа здесь не избежать утраты темпов, граничащей с антиобщественностью бездеятельности, свехосторожности, анемии.

Проблема симфонийности социального устройства, следовательно, получает положительное методологическое решение в избегании погружения в критические крайние («мертвые»)

точки интервала *confiance – defiance*, где каждый, занимая отведенное ему место, получает по своей доле.

Напомним: вселенские проекты консолидации человечества выполнялись в языке силы власти (классический империализм); силы духа (классический теизм); силы революции (классический марксизм-ленинизм). Провальность затей обуславливалась центровкой фактора силы.

Конструирование сущностных черт современной «новой нормальности» производится агрессивным языком мизантропичного моделирования, нацеливающего на катализацию синдрома Сатурна – необходимого прорежения популяции с целью извлечения некомпенсируемых преимуществ цивилизационным *alba avis*. В риторике *nulli est homini perpetuum bonum* развертывается атлантистскоцентричная, этатистскоцентричная перспектива трансгуманизма; кризиса демократии; разрушения локальных, региональных трофических цепочек; инспирации пандемии [21, 22].

Налицо – шкурный социальный проект, доктринально активируемый неизменной ставкой на порочный силовой фактор.

Что в уповании молитвенной формулы *Ab omni malo libera nos Domine* обоснованно противопоставляемо неромантически назойливой глобальной деструкции, тоталитарной национальной и наднациональной рекрутчине?

Поскольку XXI век – век ценностей, в определяющей профиль наших дней планетарной когнитивной схватке победит тот, кто выкажет более сильную идеократическую экипировку. Аксиологическое ристалище, – сугубое действо, где может отличиться именно отечественная интеллигенция.

В плоскости «национальное» широкий простор открывает служение традиционным российским ценностям – бескорыстной крепкой жизни – защита слабых, коллективизм, взаимоподдержка, справедливость, самопожертвование и т.п.

В плоскости «наднациональное» – по значимости смыслового наполнения нет равных заложенным в нашем онтогенетическом коде началам терпимости, отзывчивости, согласности, дополняемости, всесторонности, целостности и т.д.

Выполняя свою извечную миссию, – выступая под стягами свободы, культуры, – российская интеллигенция именно в наше бурное время, наконец, способна осуществить полноценное служение власти, народу. А с тем – России, имеющей все шансы возглавить текущую мировую ценностную революцию обновлением роевой жизни новыми непреходящими смыслами родового выживания на базе гуманизма (не трансгуманизма); усложнения (не упрощения); вселенскости (не вестернизма); альтруизма (не эгоизма); вовлечения (не влияния); участия (не давления); духовности (не вещизма).

Не будет оскорблением ни вкуса, ни разума высказать: российский святоотеческий ценностный путь – *nostra res agitur* – путь всечеловечности – зиждется на налаживании общности по-людски – превознесением не победоборцев настоящего, но правдоносцев будущего.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №230667).

Литература

1. Белинский В. Г. *Полн. собр. соч.: В 13 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 3. 682 с.
2. Белинский В. Г. *Полн. собр. соч.: В 13 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 9. 804 с.
3. Белинский В. Г. *Полн. собр. соч.: В 13 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

4. Бердяев Н. А. *О рабстве и свободе человека*. Париж: YMCA-Press, **1939**. 224 с.
5. Бердяев Н. А. *О русских классиках*. М.: Высшая школа, **1993**. 368 с.
6. Бунге М. *Интуиция и наука*. М.: Прогресс, **1967**. 187 с.
7. Гегель Г. В. Ф. *Эстетика*. В 4 т. М.: Искусство, **1968**. Т. 1. 312 с.
8. Герцен А. И. *Собрание сочинений: В 30 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, **1954**. Т. 2. 516 с.
9. Герцен А. И. *Собрание сочинений: В 30 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, **1956**. Т. 7. 467 с.
10. Герцен А. И. *Собрание сочинений: В 30 т.* М.: Изд-во Академии наук СССР, **1956**. Т. 8. 518 с.
11. Гончаров И. А. *Собрание сочинений: В 8 т.* М.: Правда, **1952**. Т. 8. 543 с.
12. Горький М. *Собрание сочинений в 30 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., **1953**. Т. 23. 464 с.
13. Григорьев А. А. *Собрание сочинений*. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, **1915**. Вып. 9. 61 с.
14. Достоевский Ф. М. Критическое обозрение // *Время*. 1861. №1.
15. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Л.: Наука, **1976**. Т. 14. 510 с.
16. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Л.: Наука, **1984**. Т. 27. 463 с.
17. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Л.: Наука, **1986**. Т. 30. Кн. I. 455 с.
18. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: Проспект, **2020**. 190 с.
19. Ильин В. В. Глобальный миропорядок: живое и отжившее – контуры предстояния // *Век глобализации*. **2022**. №3. С. 18–32.
20. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии*. М.: Проспект, **2021**. 160 с.
21. Ильин В. В. *Мир Globo: вариант России*. М.: КДУ, **2009**. 255 с.
22. Ильин В. В. *Политология*. М.: КДУ, **2018**. 327 с.
23. Ильин В. В. *Российская империя: отжившее и живое*. М.: Проспект, **2023**. 384 с.
24. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 157 с.
25. Ильин В. В. *Теория познания. Симвология. Теория символических форм*. М.: Изд-во Моск. ун-та, **2013**. 384 с.
26. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология*. М.: Проспект, **2018**. 173 с.
27. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество в эпоху катастрофических перемен*. М.: Проспект, **2022**. 104 с.
28. Ленин В. И. *ПСС*. М.: Госполитиздат, **1961**. Т. 20. 583 с.
29. Леонов Л. *Литература и время*. М.: Молодая гвардия, **1967**. 365 с.
30. Мал. 4. 2.
31. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. М.: АСТ, **2001**. 509 с.
32. Переверзев В. Ф. Проблемы марксистского литературоведения // *Литература и марксизм*. **1929**. №2.
33. Салтыков-Щедрин М. Е. *Полное собрание сочинений*. М.: Художественная литература, **1937**. Т. XVI. 789 с.
34. Струве Г. *Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы*. Париж: YMCA-press, **1984**. 419 с.
35. Толстой А. К. *Полное собрание сочинений*. В 4 т. М.: Правда, **1980**. Т. 4. 590 с.
36. Тургенев Н. И. *Дневники и письма*. СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. Академии наук, **1921**. Т. 3.
37. Федотов Г. П. *Судьба и грехи России*. В 2 т. СПб.: София, **1992**. Т. 2. 350 с.
38. Шиллер И. Ф. *Полное собрание сочинений*. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. Т. 3. 502 с.
39. Шлегели А. и Ф. Фрагменты // *Литературная теория немецкого романтизма*. Л.: Тип. им. Володарского, **1934**. 333 с.
40. Юшкевич П. С. *Столпы философской ортодоксии*. СПб.: Типо-лит. «Печ. искусство», **1910**. 79 с.

Поступила в редакцию 22.01.2023 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.1

Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary of the “philosophical steamship”. Part IV: Intelligentsia – a cataphatic perspective: what to do

© V. V. Ilyin*, I. S. Azarenko, S. N. Vishnevskaya, E. C. Shaura

*Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University
(National Research University)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Kaluga Oblast, Russia.*

**Email: vvilin@yandex.ru*

In the final material about the vicissitudes of the fate of the passion-bearers forcibly expelled from the fatherland on the “philosophy steamer”, and with them – the ordeals of the national intelligentsia, special attention is paid to the prerequisites for ensuring the symphony in responsible social interaction of the people – the authorities – the intelligentsia. The social cohesion of involvement, participation of all agents of civil interaction is seen on the way of breaking the vicious circle of distrust, suspicion by restoring service to the traditional values of the “Russian way”, which ensures solidarity action.

Keywords: intelligentsia, power, nation, de lege artis.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 230667).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V., Azarenko I. S., Vishnevskaya S. N., Shaura E. C. Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary of the “philosophical steamship”. Part IV: Intelligentsia – a cataphatic perspective: what to do // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 1. Pp. 3–18.

References

1. Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. [Complete works in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. Vol. 3.
2. Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. [Complete works in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. Vol. 9.
3. Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. [Complete works in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. Vol. 12.
4. Berdyaev N. A. *O rabstve i svobode cheloveka [On slavery and human freedom]*. Parizh: YMCA-Press, 1939.
5. Berdyaev N. A. *O russkikh klassikakh [On Russian classics]*. Moscow: Vysshaya shkola, 1993.
6. Bunge M. *Intuitsiya i nauka [Intuition and science]*. Moscow: Progress, 1967.
7. Hegel G. V. F. *Estetika [Aesthetics]*. V 4 t. Moscow: Iskusstvo, 1968. Vol. 1.
8. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: V 30 t. [Works: in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. Vol. 2.
9. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: V 30 t. [Works: in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. Vol. 7.
10. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: V 30 t. [Works: in 30 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. Vol. 8.

11. Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii: V 8 t. [Works: in 8 volumes]*. Moscow: Pravda, **1952**. Vol. 8.
12. Gor'kii M. *Sobranie sochinenii v 30 t. [Works in 30 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., **1953**. Vol. 23.
13. Grigor'ev A. A. *Sobranie sochinenii [Works]*. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K°, **1915**. No. 9.
14. Dostoevskii F. M. *Vremya*. 1861. No. 1.
15. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works: in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, **1976**. Vol. 14.
16. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works: in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, **1984**. Vol. 27.
17. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works: in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, **1986**. Vol. 30. Kn. I.
18. Il'in V. V. *Aksiologiya [Axiology]*. Moscow: Prospekt, **2020**.
19. Il'in V. V. *Vek globali-zatsii*. **2022**. No. 3. Pp. 18–32.
20. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii [Metaphilosophy. Poetics of philosophy]*. Moscow: Prospekt, **2021**.
21. Il'in V. V. *Mir Globo: variant Rossii [Globo world: variant of Russia]*. Moscow: KDU, **2009**.
22. Il'in V. V. *Politologiya [Politics]*. Moscow: KDU, **2018**.
23. Il'in V. V. *Rossiiskaya imperiya: otzhivshee i zhivoe [Russian Empire: obsolete and alive]*. Moscow: Prospekt, **2023**.
24. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, **2020**.
25. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [Theory of knowledge. Symbolology. Theory of symbolic forms]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, **2013**.
26. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya [Theory of knowledge. Heuristics. Creatology]*. Moscow: Prospekt, **2018**.
27. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo v epokhu katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis. Humanity in the era of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, **2022**.
28. Lenin V. I. *PSS [Complete works]*. Moscow: Gospolitizdat, **1961**. Vol. 20.
29. Leonov L. *Literatura i vremya [Literature and time]*. Moscow: Molodaya gvardiya, **1967**.
30. Mal. 4. 2.
31. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass [The revolt of the masses]*. Moscow: AST, **2001**.
32. Pereverzev V. F. *Literatura i marksizm*. **1929**. No. 2.
33. Saltykov-Shchedrin M. E. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1937**. Vol. XVI.
34. Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii. Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury [Russian literature in exile. Historical review of foreign literature]*. Parizh: YMCA-press, **1984**.
35. Tolstoi A. K. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. V 4 t. Moscow: Pravda, **1980**. Vol. 4.
36. Turgenev N. I. *Dnevnik i pis'ma [Diaries and letters]*. Saint Petersburg: Otd-nie russkogo yazyka i slovesnosti Imp. Akademii nauk, **1921**. Vol. 3.
37. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii [The fate and sins of Russia]*. V 2 t. Saint Petersburg: Sofia, **1992**. Vol. 2.
38. Shiller I. F. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk, 1893. Vol. 3.
39. Shlegeli A. i F. *Literaturnaya teoriya nemetskogo romantizma*. Leningrad: Tip. im. Volodarskogo, **1934**.
40. Yushkevich P. S. *Stolpy filosofskoi ortodoksii [The pillars of philosophical orthodoxy]*. Saint Petersburg: Tipo-lit. "Pech. iskusstvo", **1910**.

Received 22.01.2023.